

Менталитет дворянской культуры XVIII века

Несмотря на целый ряд появившихся в последнее время серьезных исследований русской культуры XVIII века [1-3], дворянская культура по-прежнему остается малоизученным социокультурным явлением в истории русской культуры. Культурологический подход, сложившийся в XX веке, позволяет расширить границы исследования дворянской культуры и выявить, как формировалось мировоззрение сословия, которое на протяжении почти двух веков играло роль культурного гегемона для всего русского общества. Дворянское мировоззрение явилось основой общероссийского менталитета.

Процесс формирования сословия, складывания его мировоззрения и расширение гражданских прав шли одновременно, взаимно влияя друг на друга. Но особенностью России стало доминирование над этими процессами законодательной деятельности правительства, которое в лице дворянского сословия создавало опору для собственного существования. В терминологии юридических документов XVIII века дворянство - благородное, "авантажное" (от французского "avatage" - благоприятное положение), т.е. наделенное особыми правами сословие. На деле дворянство было главным служилым сословием, которое обеспечивало работу государственного аппарата. Вот почему абсолютистская монархия была заинтересована в единстве и силе опорного сословия самодержавия.

Реформы Петра I привели к оформлению единого сословия - "шляхетства", как называют его указы того времени, или, говоря современным языком, дворянства. По словам историка дворянства Н. Павлова-Сильванского [4, с. 46], Петр I придал дворянству не только сословную организацию, но и способствовал становлению единого мировоззрения. На самом деле процесс формирования мировоззрения сословия был гораздо более длительным, и основной его этап приходится на 40-60-е годы XVIII века, т.е. на время правления дочери Петра - Елизаветы. В ее правление дворянство получило ряд важных политических и гражданских прав, которыми были четко очерчены границы сословия, под их влиянием окончательно сложились основные черты дворянского мировоззрения. По словам М. Яблочкова, "дворянское сословие при Елизавете доканчивает свое сложение, замыкается, выступает среди прочего населения с резко очерченными границами. Это уже сословие в полном значении этого слова: наследственное, замкнутое, со своими особыми правами" [5, с. 332]. К этим признакам сословия необходимо добавить и полностью сложившееся мировоззрение, определявшее образ жизни.

Правительство предоставляло служилому сословию права благородного и "авантажного". Идея личного достоинства дворянина вызревала в России не одно десятилетие. По сравнению с другими сословиями дворянство находилось в привилегированном положении. На европейском же фоне бесправие российского шляхетства первой половины XVIII века было особенно заметным, что отмечали посещавшие нашу страну иностранцы. "Знатные только по имени, - писал французский посланник де ла

Шетарди, - в действительности они рабы, и так свыклись с рабством, что большая часть из них не чувствует своего положения" [6, с. 74]. Посланника удивляет не столько сама система власти, сколько то, что дворяне не протестуют против нее, "не чувствуют" зависимости и униженности "своего положения". Для нас эти слова - яркое свидетельство неразвитости самосознания дворянства.

Стороннего наблюдателя поражал произвол верховной власти. К. Манштейн, хорошо знавший историю России и ее современное состояние, отмечал, что "образ правления в России всегда был деспотический; свобода русского подданного никогда не доходила до того, чтобы он не был вполне подвластен неограниченной воле своего государя" [7, с. 323]. Русское дворянство было столь же несвободно и бесправно, как и другие сословия. Только с развитием самого сословия, получением социально-экономической независимости изменяется его самосознание.

Начиная со времен Петра I основным методом воздействия государства на сословия стало законодательство. Исходя из своей заинтересованности в сильном и верном союзнике внутри российского общества, государство с помощью законодательства, с одной стороны, усиливало экономические и политические позиции дворянства, с другой - через регулирование системы дворянского образования - воспитывало верных слуг престола. Под опекой государства создавалась особая социокультурная среда. Историк дворянства М. Яблочков отмечал: "пока для дворянства существовала обязательная служба, правительство имело над ними полную опеку. Причиной того был как интерес государства, так и дух времени и малое развитие дворянства" [5, с. 332].

Не стоит думать, будто правительство целенаправленно вело работу по консолидации и укреплению дворянского сословия. Перед государством стояли конкретные насущные задачи: кто будет собирать подушную подать, кто должен кормить крестьян в неурожайные годы, как упростить систему учета населения и пр. Решая эти сиюминутные проблемы, правительство старалось основную работу возложить на служилое сословие, не подозревая, что тем самым оно помогает становлению самосознания дворянства. Политические и гражданские права, которые жаловались центральной властью, укрепляя экономические и политические позиции как сословия, так и отдельных его представителей. Вместе с тем новые права и обязанности, из них вытекающие, меняли общественную роль сословия, его образ жизни и непосредственно воздействовали на формирование менталитета сословия в целом.

Наделение дворянства землей (1731 год) и монопольным правом на владение крепостными (Указ 1746 года) способствовало единению социальных, политических и экономических интересов и, в конечном итоге, возникновению в дворянской среде чувства корпоративной общности. Кроме того, право владения крепостными стало сословно-определяющим фактором. До этого момента критерии отнесения человека к привилегированному сословию были довольно размыты. К середине же XVIII века мы видим полностью оформившееся сословие, с определенными способами входа и выхода из его состава.

На дворянство постепенно возлагается роль "ответственного опекуна крестьянских имений" [8, с. 178]. Помещик обязан был снабжать своих крестьян зерном на посев, кормить в голодные годы и следить за их поведением в общественных местах. Для того чтобы облегчить помещикам "опеку" над крестьянами, государство наделило дворян широкими полицейско-административными полномочиями в сфере вотчинного управления. Власть дворянина в его имении не ограничивалась никакими законодательными актами, государство не вмешивалось во внутренние дела вотчины. Эта бесконтрольность власти поднимала помещика в собственных глазах, что активизировало формирование понятия личного достоинства, которое добавилось к уже существовавшим родовым семейным ценностям. Параллельно в литературе создается идеал дворянина-помещика - справедливого, образованного господина и верного слуги престола. Этот образ "работает" на формирование представлений о дворянской чести и способствует осознанию особого места дворянина в русском обществе.

С ростом вотчинных прав меняется самооценка представителями сословия своего места в системе абсолютистской дворянской монархии, что в свою очередь приводит к изменению отношений к государю. Дворянин обладал такой же неограниченной властью над своими крепостными, как и монарх над подданными. Ко второй половине XVIII века с монархии спадает мистический ореол, и государь становится первым среди равных. Изменение представлений о монархии способствует росту критических воззрений дворянства.

Интересы помещиков и хозяйственные обязанности крепко привязали дворянство к провинции. Манифест 1762 года, освободивший дворян от обязательной службы, способствовал оттоку основной дворянской массы из столиц в провинцию. Дворяне получили личную свободу, осмысление которой завершило окончательное формирование менталитета сословия. Поместное дворянство способствовало развитию культуры в провинции. В то же время в поместьях, в провинции шло формирование творческих личностей, которые способны были привнести нечто новое в культуру столиц.

После отмены обязательной службы основной задачей дворянства становится не служба, а служение в более широком смысле этого слова, включающем в себя в первую очередь общественное служение. Этим новым представлением соответствовала система губернского управления. Законодательно перенос центра приложившихся сил сословия был закреплен Жалованной грамотой 1775 года, по которой дворянство получило всю полноту власти на местах. Менее успешной была борьба за предоставление дворянству прав участия в центральном управлении, в том числе права избирать членов Сената и коллегий. Если при Анне Иоанновне эта борьба принимала форму "Заговора верховников", то в елизаветинское время вопросы политической жизни начинают выноситься на страницы журналов.

Расширение правовой базы дворянства способствовало консолидации сословия, росту сословного самосознания, что повлекло за собой необходимость реформировать систему дворянского образования.

Эволюция прав дворянского сословия, пожалованных центральной властью, показывает, как государство законодательными методами "лепило" сословие в целом. Путем укрепления экономического положения и предоставления полномочий в области вотчинного и губернского управления правительство решало свою первую задачу - создание экономически сильного класса. Вторая задача - воспитание верноподданических чувств - требовала корректировки уже не на уровне группового сознания, а на уровне сознания отдельной личности. Реформирование системы образования в середине XVIII века преследовало две цели: во-первых, образовать дворян, дать сумму знаний, необходимых для выполнения служебных обязанностей; во-вторых, воспитать в духе служения престолу и Отечеству достойных, честных и благородных людей.

Огромная заслуга Петра I в том, что он привил дворянству мысль о необходимости образования. Если сначала образование мыслилось как одна из служебных повинностей дворянского сословия, то к концу правления Петра необходимость образования для дворянина уже широко признавалась всеми слоями дворянства, за исключением самых консервативных. Для убеждения их создается ряд публицистических произведений, в том числе "Разговор о пользе наук и училищ" В. Татищева [9, с. 379]. Правительство побуждало дворян учиться, "дабы со временем не токмо государству полезны быть, но и сами себе через те науки довольное пропитание сыскать могли" [10, т. XI, № 7142]. А те, кто "не желая собственной пользы, от наук убегают", те "сами себя губят" [10, т. XI, № 7142]. Выполнение служебных обязанностей, накладываемых обязательной службой, требовало от дворян определенной подготовки. К тому же для дворян мелкопоместных жалованье было одним из основных источников дохода. Таким образом, экономическая и социальная необходимость закрепляют в сознании дворянского сословия мысль о необходимости образования.

В середине XVIII века самосознание дворянства делает следующий шаг: дворяне не просто признают необходимость образования, забота об улучшении образовательно-воспитательной системы становится общественным делом самого сословия. Наиболее

прогрессивная часть дворянского общества начинает обращать самое пристальное внимание на систему воспитания молодого дворянина. Работа на ниве образования становится одним из способов общественного служения для представителей благородного сословия.

Если для Петра и его сподвижников жизнь и работа были неразделимы (в какой-то степени, говоря современным языком, их даже можно назвать "трудоголиками"), то в середине века ситуация меняется: служба и светская жизнь начинают резко разделяться. Елизавета Петровна умела веселиться и сделать досуг праздником. Не затрагивая сферу службы, она стремилась совершенствовать досуг. Вместе с понятием досуга, "праздного времени" появляются одобренные обществом способы его заполнения, такие как литература, театр, музицирование. Участие в светской жизни и развитие норм этикета требуют развития светских навыков. Под воздействием потребностей общества меняется и система образования. Это время создало целую систему сословно-рыцарских академий, закрытых учебных заведений, в которых дворян готовили не только к служебной, но и к общественной жизни. Вне зависимости от сферы деятельности - статской, военной или морской - дворянин обязан обладать определенными качествами, помогающими общаться с себе подобными; эти качества и умения отличают дворянина от представителей других сословий.

Именно закрытые корпуса, наиболее ярко отражающие образовательно-воспитательные идеалы эпохи, были ареной для экспериментов в области дворянского образования. К тому же кадетские корпуса не просто образовывали молодежь и готовили к определенной деятельности, но еще и служили ярким примером общественной жизни дворянства. Это была та социальная среда, в которой развивалась личность дворянина. Вообще о личностном начале в русской культуре можно говорить только начиная с XVIII века, когда под влиянием западноевропейской культуры и в результате складывания системы абсолютистской монархии с персонификацией государства в лице верховного носителя власти формируется само понятие личности.

К середине XVIII века изживает себя узкопрофессиональная система подготовки кадров. Учебные заведения, основанные Петром I, давали образование, примерно равное среднему специальному. В связи с ростом значимости дворянского сословия в российском обществе и повышением его общекультурного уровня в круг изучаемых предметов для сословных корпусов вводятся общеобразовательные дисциплины (история, география, риторика). Образование становится общим, готовящим ко всем видам службы, "пристойной" для дворянства. В то же время светское общество начинает требовать от дворянина некоторого знания истории, искусства, культуры, т.е. всего того, что может быть темой для легкой светской беседы.

Специальные дисциплины (фехтование, геральдика и пр.) должны были, по мысли законодателей, с детства прививать определенный образ мыслей: воспитывать сословную гордость. В кадетских корпусах закладывались первые представления о таких понятиях, как личная честь и достоинство. Принцип служения для дворян елизаветинского времени включает в себя не только служение государю и государству, но и деятельность, идущую на благо дворянскому социуму. И забота об образовании дворянства перестает восприниматься самим обществом как исключительное право и долг государства. Появляются первые проекты реформирования образовательной системы, исходящие из дворянской среды, составленные П. Шуваловым и С. Мордвиновым. Первый был поставлен руководить Инженерным корпусом, но мечтал о введении высшего образования для кадетов, второй - капитан Мордвинов - в свободное от службы время писал учебники для учащихся Морского кадетского корпуса и предлагал улучшить систему преподавания. Образование и воспитание дворянства становится сферой приложения сил для наиболее образованной части сословия.

В середине XVIII века пути науки и дворянской культуры напрямую не пересекались. Научные знания, рационализм мышления были частью той социокультурной атмосферы, в которой развивалось общество. Научное влияние шло опосредованно, масштабы его воздействия были ограничены. Печатная продукция Академии наук

приносила несомненную пользу, но академическая педагогическая система, скорее, отталкивала, чем привлекала дворян. К. Манштейн объяснял это так: для службы дворянам необходимы были практическая арифметика и современные европейские языки, а в Академии наук упор делался на языки древние, теоретическую физику и математику. Вот почему "русские считают академические науки пустыми и ненужными, неудивительно, что они не имеют никакого желания обучать им своих детей, хотя все предметы преподаются бесплатно" [7, с. 308]. Вторую причину называет нам В. Татищев: в Академическом университете "шляхетских наук нет" [9, с. 136]. В то же время, будучи одним из немногих внесловых учебных заведений, академический университет и гимназия пополнялись в основном за счет лиц разных сословий. Место дворянства в нем было минимальным.

Лучшим дворянским учебным заведением считался Сухопутный шляхетский кадетский корпус, основанный в 1731 году. Там, содержалось 350 кадетов, выпуск которых был определен в армию и в статские чины. Вообще, привилегированное положение корпуса среди прочих учебных заведений, его близость ко двору, социальный состав учащихся создавали особую социокультурную атмосферу, способствовавшую началу самостоятельного культурного творчества.

Еще в 1730-е годы кадеты обнаружили склонность к литературной и художественной деятельности. Эта тенденция усилилась в середине века, приобретая качественно новые черты: кадетский корпус постепенно становится культурным авангардом дворянского сословия, перехватывая инициативу у высшей аристократии. Начиная с петровского времени все нововведения, будь то стили, мода или правила этикета, проникали в дворянское общество благодаря влиянию двора и высшего света. Культурное первенство принадлежало аристократическому слою дворянства, но это было первенство заимствования. В середине XVIII века рост национальных настроений и самосознания высшего сословия требовал самовыражения. И наиболее способной к нему оказалась молодежь из дворянских корпусов. Причин было несколько. Во-первых, сама духовная атмосфера общества, ощущение свободы от засилья иноземцев, рост национальной гордости и определенная свобода высказываний способствовали творческим исканиям дворянской молодежи. Во-вторых, молодежная среда была наиболее гибкой в восприятии нового и более способной к самостоятельному творчеству благодаря своей социальной активности. Творческий поиск и культурный эксперимент поощрялись правительством и приветствовались обществом. М. Ломоносов, не будучи дворянином, в словах "способна собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать" выразил атмосферу национального подъема, характеризующего елизаветинскую эпоху. К тому же разделение в общественном сознании службы и досуга требовало заполнить чем-то этот появившийся досуг.

Частое пребывание при дворе не могло не заразить кадетов театроманией, столь свойственной данной культуре. Императрица Елизавета тяготела к утонченной культуре "рокайля". По сравнению с барокко рококо принесло не только жеманность и прихотливость. Оно освободилось от риторической напыщенности и отчасти реабилитировало естественные чувства, хотя сделано это было с налетом грусти и театральности. Процветавшее при дворе Людовика XV, жизненным принципом которого было "после нас - хоть потоп", рококо отражало дух времени, ощущение конца определенной эпохи. Французская аристократия была тем самым уходящим прошлым, и потому рококо процветало в придворной среде. Но эстетическая программа этого стиля была значительно шире. "Эпоха рококо, - отмечает искусствовед Н. Дмитриева, - дорожила искусством как средством воплотить мечту. Поэтому она так любила всяческий маскарад, передевания, представления, постоянно изображала актеров, театр, музыкантов, кукол. Искусство рококо было "искусством об искусстве" - в искусстве чувствовали заменителя жизни, более надежного, чем сама жизнь, в нем находили выход из опустошенности. Жизнь - игра, жизнь - театр, жизнь - сон, а искусство - реальность сна" [11, с. 242, 243]. Все это относится к Франции первой половины XVIII века.

Подобные настроения вряд ли были свойственны русской придворной аристократии, сравнительно молодой и не успевшей еще устать от жизни. Просто само перенесение западноевропейских обычаев выглядело чаще всего игрой, поэтому эстетическая программа рококо оказалась близка мироощущению дворянства, особенно той его части, которая более всего соприкасалась с императорским двором. Придворный церемониал и светские условности предписывали определенное ролевое поведение всем участникам придворного действа, от императрицы до пажа. Театр входит в моду. Игра становится нормой поведения, а декорации и костюмы переносятся в жизнь.

Эпоха правления Елизаветы Петровны становится эпохой всевозможных "обманок". Художник эпохи рококо стремился к обману зрения. Мастером иллюзии был П. Ротари, работавший при дворе Елизаветы и украсивший "Кабинет мод и граций" в Петергофском дворце. Портреты девушек с "приспущенными" полупрозрачными занавесками, с полуотставшим от стены холстом - произведения убедительно материальные по живописи, красивые и действительно обманывающие зрителя, интригующие и забавляющие его. Девушки на его полотнах выглядят совершенно живыми, ткани их одежд - реальными. Кажется, достаточно девушке вздохнуть, как прозрачное шелковое покрывало соскользнет с ее волос. Подобные картины ценились за их правдоподобие. Причем это правило распространялось не только на портрет, но и на другие виды живописи. В Кусково, например, сохранилось несколько натюрмортов, украшавших стены дубового кабинета графа Б. Шереметева. Написанные на дубовых досках, они были вмонтированы в стену, составляя единое целое с ней. Изображенные на них предметы (ручка, перо, чернильница, листки бумаги) лежат на нарисованных полках и кажутся настоящими [12, с. 128]. Если гость протягивал руку, чтобы взять перо с натюрморта, - значит, "обманка" удалась. Менее зажиточные помещики заказывали целые библиотеки художникам. И полки, и корешки книг рисовались на картоне, а затем устанавливались в комнате, призванной играть роль библиотеки.

С театральных подмостков в жизнь попала не только бутафория. За неимением достаточного числа актеров, на заднем плане иногда располагались специальные фигуры, изображавшие толпу или молчаливых персонажей. В Кусково, где был прекрасный театр, сохранились фигуры-обманки, и, по имеющимся данным, использовались они вовсе не в театре, а в парке. Изящные дамы, нарисованные на плотном картоне, ставились в темных аллеях, на специальные полозья. Подвыпившие гости стремились познакомиться с прекрасной незнакомкой, но она исчезала из виду с помощью сидевшего в кустах слуги, который благодаря нехитрому приспособлению воротом и веревкой приводил "обманку" в движение.

Жизнь и театр наиболее прочно переплелись в маскарадах, которыми славился елизаветинский двор. Театрализация жизни, присущая елизаветинской эпохе, вызвала к жизни блистательные придворные маскарады. По свидетельству Екатерины II, "осенние и зимние удовольствия были распределены между операми, балами и маскарадами. Было определено, что каждую неделю будут два маскированных бала - один при дворе, другой по очереди у главных персон в городе" [13, с. 192]. Маскарадные костюмы оговаривались даже в законодательных документах. Так, в публичный маскарад "иметь приезд всему дворянству с фамилиями", "в приличных маскарах", "а кто не дворянин, тот бы в оный маскарад быть не дерзал" [10, т. XIII, № 9217]. Таким образом, маскарады признавались чисто дворянским развлечением. В Петербурге это было действительно так, а в Москве публичные маскарады устраивались в здании итальянского театра для всех желающих.

В елизаветинское время наблюдался мощный всплеск театрального искусства. Корни этого явления следует искать в общем пристрастии эпохи к театру. С середины 30-х годов в Санкт-Петербурге гастролируют итальянские, французские и немецкие труппы. За короткий промежуток времени эти труппы показали русскому зрителю весь лучший классический репертуар того времени. Именно в царствование Елизаветы происходит массовое появление домашних театров как в столицах, так и в провинции.

Вообще, театромания приняла такие размеры, что правительство издало указ, разрешающий всем желающим устраивать театры, "только чтоб при тех вечеринках никаких не порядков и противных указам поступков, и шуму, и драк не происходило, а на русских комедиях в касающееся до духовных персон платье не наряжались бы и по улицам в приличном к комедиям, ни в каком, нарядясь, не ходили и не ездили" [10, т. XIII, № 9654]. Этот указ свидетельствует прежде всего о том, что подобное выплескивание театральной атмосферы в жизнь было широко распространено. Но если во времена Петра I публичные шутовские шествия были в ходу, то в середине века подобное осмеяние духовного сословия, выполняющего свою роль в обществе, и превращение жизни в балаган осуждаются и правительством, и общественным мнением. Шутовство признается неприличным занятием для благородного сословия.

В домашних и в публичных театрах ставились и переводные, и русские пьесы, и пьесы на иностранных языках. В 1756 году был открыт общедоступный русский театр, который возглавлял А. Сумароков, где играл Ф. Волков. На сцене этого театра преобладали пьесы русских авторов.

"Для дворянства и всей публики" в Москве был открыт Оперный дом Ж.-Б. Локателли. Предприимчивый итальянец ввел систему абонирования лож для знатных фамилий, устраивал не только оперы, но и публичные маскарады, и по договору с Московским университетом обучал театральному мастерству восемь воспитанников. Недолгое существование (1759-1761 годы) Оперного дома внесло оживление в культурную и общественную жизнь города. Многие члены его труппы поступили в дворянские дома учителями танцев, музыки и пения. С этого времени начинается широкое распространение в дворянской среде домашнего музицирования, неизменными атрибутами дворянского быта становятся клавесины и гитары.

Внимание дворянства к игровой стороне жизни можно подразделить на два вида. Во-первых, это любовь к театру как таковому, во-вторых, соединение театра и жизни. Чуждые русской действительности нравы и обычаи легче всего входили в жизнь через игру. С изменением мировосприятия, с ощущением большей причастности к европейской культуре элемент игры модифицируется, трансформируясь постепенно из механизма социокультурной адаптации в салонное развлечение, в один из способов проведения досуга. Европейская культура превращается в составную часть картины мира русского дворянина. И елизаветинское время дает нам пример того, как новые культурные тенденции, входя в общество в виде игры, становятся впоследствии неотъемлемой чертой жизни.

Первенство в организации собственного театра принадлежит кадетам шляхетского корпуса. Вначале кадеты выступали в балетных дивертисментах, устраивали небольшие драматические спектакли и подносили императрице оды своего сочинения, первоначально без имени автора от всей "Шляхетской академии наук". Театр и музыка поощрялись начальством и служили педагогическим целям, отвлекая кадетов от праздного времяпрепровождения: "во отвращение худой компании каждую неделю один раз в свободные часы учредить бал и концерт" [10, т. XIII, № 9126]. В театральных постановках участвовали сами кадеты. Их спектакли удостоивались внимания императрицы Елизаветы, которая иногда "дозволяла" их в своем придворном театре и в знак особого расположения сама помогала актерам одеться и загримироваться [13, с. 75].

Первые опыты литературных сочинений и переводов читались кадетами в кругу своих товарищей, в образованном ими самими "Обществе любителей русской словесности" [14, с. 12]. Эти занятия в течение нескольких лет были одним из любимейших способов проведения досуга. Как это часто бывает, из игры в театр и литературу возникли настоящие театр и литература. Круг переведенных для театра пьес был ограничен, к тому же реалии европейской жизни иногда с трудом воспринимались российской публикой и были не всегда понятны. Специально для кадетского театра Сумароков пишет свою первую трагедию "Хорев", которая не только прославила автора, но и послужила прародительницей русской драмы. В 1749 году, когда была написана пьеса, ее автор еще не решил полностью посвятить себя литературе, он

являлся одним из преподавателей корпуса. Но успех его произведения послужил достаточным основанием для продолжения творческой деятельности.

Культурная роль шляхетского корпуса не ограничивалась развитием русского театрального искусства. На наш взгляд, не менее важна роль корпуса в том, что благодаря ему в дворянском обществе закрепился интерес к литературе. Литературные произведения одинаково быстро расходились и в печатном виде, и в списках, потому что число людей, интересовавшихся литературными новинками, было ничтожно мало. Традиция распространения литературы в рукописных списках долго сохранялась в русской культуре. Но если в середине XVIII века переписывали практически все новинки, чтобы не ждать, пока их опубликуют, то уже к концу века в рукописях распространяются преимущественно запрещенные к печати произведения. Круг потребителей культуры значительно расширяется за счет воспитанников кадетских корпусов, активная творческая атмосфера в которых способствовала закреплению культурных интересов.

В дворянском обществе середины века возникает "спрос на культуру". А печатных новинок выходило немного - четыре-пять наименований в год. Возникшую пустоту между общественным спросом и тем, что могли предложить существующие культурные институты, заполнили частные журналы. Они выполняли двоякую функцию. Во-первых, знакомили публику с новинками отечественной и зарубежной литературы. Во-вторых, выполняли роль трибуны, где дворяне могли высказать собственное мнение по насущным вопросам и обсудить это в своем кругу. Иными словами, журнал был своеобразным средством общения. И в издании подобных журналов первенство принадлежало Сухопутному шляхетскому кадетскому корпусу.

В 1757 году при корпусе была учреждена типография "для печатания учебных книг, в руководство обучающихся в оном корпусе кадетов" [10, т. XIX, № 10718]. Но круг изданий не ограничивался учебной литературой, печаталась и художественная, как русская, так и переводная. А с января 1761 года начинает выходить журнал "Праздное время в пользу употребленное", в котором публикуют свои первые произведения воспитанники корпуса. Само название "Праздное время" говорит о том, что досуг стал фактом, признанным дворянским обществом, и одним из важных самоценных явлений социальной жизни, как и служба. И это свободное время, по мнению дворянских идеологов, необходимо проводить с пользой для себя и для общества. Расширение возможностей организации свободного времени усиливало ощущение несвободы от обязательной службы, протест против нее. Но, самое главное, журналы привили дворянскому обществу вкус к чтению, пусть пока только развлекательной литературы. Привычка к чтению способствовала усвоению более сложных и глубоких литературных произведений.

К середине XVIII века литература стала формой самовыражения и ареной действия той части дворянского общества, которая в силу возросшего образовательного уровня почувствовала необходимость выразить свою точку зрения. Дворянство стремилось к общественной деятельности, одной службы для самовыражения было уже мало. В то же время привитый усилиями правительства принцип служения открывал пути для этого самовыражения в деятельности на пользу государству. А поскольку государство мыслилось как "дворянская монархия", то это была скорее деятельность во благо дворянского сообщества в целом. Писатели-дворяне стремились исправить нравы. Люди, близкие к трону, подготовили Петра III к тому, чтобы объявить личную свободу дворянству в Манифесте 1762 года. Постепенно инициатива формирования жизненных устоев, борьба за чистоту рядов становится прерогативой самого дворянства, а не власти. Социокультурная саморегуляция сословия свидетельствует о сложившемся менталитете дворянства.

Несомненная заслуга воспитанников кадетского корпуса в том, что они утвердили занятие культурой (прежде всего литературой) как одно из направлений общественной деятельности дворянина. С этого времени культура приобретает в глазах дворянского общества столь же важное значение, как политика или служба.

В то же время дворянство в целом чаще выступало в роли социального заказчика, чем создателя. Усадебные дворцы строились крепостными мастерами, произведения искусства создавались приглашенными художниками. Но все их творчество шло в русле эстетических представлений благородного сословия, для которого они работали. Развитие художественного вкуса, приобретение определенных эстетических представлений требовали мастеров-ремесленников, которые были бы способны создавать вещи, отвечающие этим возросшим потребностям. Вот почему в середине XVIII века в сословных корпусах начинают открывать специальные классы для ремесленников. Так, великий князь Петр Федорович издал указ от 27 марта 1761 года [10. т. XV. № 11224] о том, что дети из гарнизонной школы в возрасте от 5 до 15 лет будут учиться читать, писать, считать, рисовать, говорить по-немецки и осваивать ремесла (седельное, шорное, ружейное, кузнечное, музыкальное). То есть сословное учебное заведение не только прививало кадетам определенные представления о жизни, но и готовило людей, способных обслуживать "утонченные" вкусы дворянства.

Крепостное право не только являлось материальной базой для развития дворянской культуры, но и служило практически неисчерпаемым источником людских ресурсов для воплощения в жизнь эстетических представлений благородного сословия. "Крепостная интеллигенция", воспитанная в русле дворянской культуры, по своему мировосприятию была значительно ближе дворянству, чем крестьянству с его традиционным сельскохозяйственным бытом. И трагедия крепостных художников заключалась в том, что по своему социальному положению они были крестьянами, а по системе мировоззренческих ценностей, роду занятий, творческим навыкам к крестьянскому миру уже не принадлежали.

Отделение дворянства от других сословий шло двумя путями: от государства и от самого дворянства. Правительство стремилось законодательно подчеркнуть особое положение дворянства как рядом привилегий, так и чисто внешними отличиями. Для закрепления этого стереотипа и создавались сословные учебные заведения, потому что в обществе вместе с мыслью об особом положении благородного сословия возникало стремление дать дворянской молодежи специфически дворянское образование.

Конечно же, сословная система обучения не единственное, что объединяло представителей различных групп населения. Все-таки основой сословного деления общества было экономическое и политическое положение человека. Однако нельзя не принимать во внимание того факта, что именно процесс воспитания помогал формированию мировоззрения, культурных вкусов, самосознания и четко определял место человека в обществе. Государство, заинтересованное в том, "дабы шляхетство все было обучено и ко употреблению в воинскую и гражданскую службу угодные" [10, т. XIII, № 9532], стремилось отделить дворян от других сословий, подготовить из них достойных слуг престола. Так П. Шувалов устроил для учеников Школы артиллерии и фортификации особый госпиталь, "чтобы они от сообщества с солдатами не могли перенимать привычки, несвойственные благородным людям" [И], т. XIV, № 11517).

Культурно-просветительная политика елизаветинского царствования в отношении дворянства отличается соединением заботы о воспитанниках "рыцарских академий". строгого надзора за обучением и стремлением вырастить из молодых шляхтичей людей, способных занять достойное место в государственной системе. Сложившуюся систему образования можно назвать сословно-общей, потому что и вне и внутри закрытых кадетских корпусов дворяне были отделены от остальных учащихся и визуально (парты разной высоты, разные ряды), и в бытовой жизни (каждый корпус имел свои церковь и лазарет). То есть контакты с "подлыми людьми" были сведены до минимума. Таким образом воспитывалось в дворянах чувство сословной привилегированности.

В то же время сами дворяне начинают следить за чистотой своих рядов. Французский язык, введенный сначала при дворе, затем во всем дворянском обществе с легкой руки Елизаветы Петровны и И. Шувалова, становится основным средством дворянской коммуникации. Язык - еще одно отличие представителя благородного со-

словия. Дворянство стремится отделиться от других сословий не только родом занятий, правовым и социальным положением, но и чисто внешними отличиями - одеждой, языком, нравами. В то же время среди членов благородного сословия утверждается мнение, что дворянство как благородство рода, семьи и личности не может быть пожаловано. Сумароков в своих комедиях высмеивает "подьячих", т.е. тех, кто получил дворянское достоинство за выслугу или благодаря милости монарха. Общественное мнение считает "настоящим" дворянством только дворянство потомственное.

Сословные учебные заведения стали тем социальным институтом, который формировал дворянина как личность. Привитые личные качества и стереотипы поведения субъективно реализовывались затем в процессе несения государственной службы. Итогом образования стало "включение" дворянства в общеевропейскую культуру. Если во времена Петра I заимствовалась внешняя форма, европеизированный антураж, то в царствование Елизаветы дворянство было призвано уже не просто пассивно воспринимать достижения западноевропейской культуры, но и заниматься самостоятельным творчеством. Так, с одной стороны, освоение европейской культуры учило дворянство самостоятельному мышлению; шел интенсивный процесс развития самосознания сословия. С другой стороны, под влиянием европейской культуры формировались стереотипы поведения и художественные вкусы.

Французский церемониал и правила "светского обхождения", принятые при дворе, уже к 60-м годам XVIII века становятся общепринятыми для дворянства в целом. Вместе с правилами хорошего тона в жизнь двора входит система покровительства и патронажа, в норму придворной жизни превращается фаворитизм. По манере общения, поведения и стилю одежды елизаветинский вельможа - европеец. В то же время внутренняя, семейная и бытовая жизнь дворянства придерживалась совершенно иных, отличных от Европы, основ - древнерусской традиции, самодержавия и православия, крепостничества. За европейским фасадом скрывался восточный деспотизм и полуазиатский быт. Это смешение двух культурных традиций придавало русскому дворянству неповторимое своеобразие. И если в елизаветинскую эпоху русские и европейские традиции находились в хрупком равновесии, то уже при Екатерине II дворянство выглядит совершенно европейским. Разрыв между сознанием и действительностью, самооценкой и жизненными реалиями оказался губительным для дворянской культуры и стал причиной ее глубокого кризиса и упадка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и нравы русского дворянства XVIII-XIX веков. М., 1995.
2. *Муравьева Л.М.* Как воспитывали в старину русского дворянина. М. 1995.
3. *Худушина И.Ф.* Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII-первая треть XIX века). М., 1995.
4. *Павлов-Сильванский Н.* Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898.
5. *Яблочков М.Н.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876.
6. *Пекарский П.П.* Маркиз де ла Шетарди в России 1740-1742 гг. СПб., 1862.
7. *Маништейн К.Г.* Записки о России (1727-1744). СПб., 1875.
8. *Ключевский В.О.* Новая русская история. Курс лекций. М. 1888.
9. *Татищев В.И.* Разговор в пользу наук и училищ // Избранные произведения. Л., 1979.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (с 1649 по 12 декабря 1825 г.). СПб., 1830.
11. *Дмитриева Н.А.* Краткая история искусств. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1989.
12. *Болотина И.С.* Проблемы русского и советского натюрморта. М., 1989.
13. Собственноручные записки императрицы Екатерины II. М., 1991.
14. *Караванов А.* Основание в 1750 году русского театра кадетами Первого кадетского корпуса. СПб., 1849.

© Т. Коваленко. 1997